

Александр Иванович Куприн

Дурной каламбур

Александр Иванович Куприн
Дурной каламбур
Серия «О цирке», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2545735

Аннотация

«Я написал в журналах несколько рассказов из цирковой жизни. Они были многими читателями приняты с милой теплотою. Эту отзывчивость я отнюдь не склонен приписывать достоинствам моих сочинений: писал я попросту о том, что видел и слышал. Причина читательского одобрения совсем другая. Всех нас в ранней юности цирк восхищал, волновал и радовал. Кто из нас избежал его чудесной, здоровой, кипящей магии?..»

Александр Иванович Куприн Дурной каламбур

Я написал в журналах несколько рассказов из цирковой жизни. Они были многими читателями приняты с милой теплотою. Эту отзывчивость я отнюдь не склонен приписывать достоинствам моих сочинений: писал я попросту о том, что видел и слышал. Причина читательского одобрения совсем другая. Всех нас в ранней юности цирк восхищал, волновал и радовал. Кто из нас избежал его чудесной, здоровой, кипящей магии? Кто из нас забыл этот яркий свет, этот приятный запах конюшни, духов, пудры и лайковых перчаток, этого шелка и атласа блестящих цирковых костюмов, шелканье бича, холеных, рослых, прекрасных лошадей, выпуклые мускулы артистов? Тогда ведь видали мы гораздо зорче и совсем другими глазами, чем теперь. И возвращались мы из цирка домой широкими и упругими шагами, круто выпятив грудь, напрягая все мускулы. Легкие бывали у нас расширены от беззаботного, громкого, доброго хохота, и как ловко мы перепрыгивали через лужи!

Много драгоценных и, по совести скажу, полезных минут давал нам цирк... И теперешние знаки внимания к моим рассказам – это всего лишь благодарность пожилых людей цир-

ку их прежних лет, трогательное воспоминание детства.

Недавно я получил из Болгарии от неизвестного мне человека небольшое, очень порадовавшее меня письмо. Оно является как бы продолжением, послесловием к моей «Ольге Сур».

Я его привожу почти целиком, с малыми поправками. Надеюсь, читатели не посетуют на меня. Это письмо – правда. Вот оно:

«М. г. и т. д., отбрасывая часть официальную. Читал и вспомнил себя семнадцатилетним гимназистом Киево-Печерской гимназии, одним из многих влюбленных в Ольгу Сур. Впрочем, это не совсем так. Влюблены мы были в других, в барышень, с которыми мы встречались на гимназических чайных балах или на катке в саду Меринга. А к Ольге Сур мы относились с какой-то особой лаской, теплотой и бережливостью. Иногда мы, что греха таить, возвращаясь с вечеринки, говорили довольно-таки развязно о знакомых дамах и барышнях, но никто никогда не позволял ни себе, ни другим выразиться об Ольге Сур фривольно. Нас было шестеро знатоков и любителей цирка, шесть приятелей, и в наш кружок входил окончивший с нами гимназический курс сын киевского генерал-губернатора графа П. Игнатьева, в будущем полковник генерального штаба, ныне живущий у вас, в Париже.

Так как семья графа Игнатьева почти никогда в цирке не бывала, то губернаторской ложей пользовалась наша компа-

ния.

Помню, раз мы поднесли Ольге Сур букет. Поднесли за кулисами. Милая девочка покраснела не меньше нас, но протянула лодочкой каждому из нас худенькую ручку. В это время мимо нас проходил кто-то из униформы и с большим аппетитом ел апельсин, даже не очистив его, а прямо с кожей. Ольга взглянула на него и вдруг сказала:

– Счастливец! Он ест апельсин!

На другой день каждый из нас принес в цирк по десятку апельсинов.

Тогда апельсины стоили по три копейки за штуку, – и после номера Ольги (джигитовка) все шестьдесят апельсинов полетели на арену к ногам очаровательной. В награду две милые ручки послали нам несколько воздушных поцелуев. Много ли надо тогда было семнадцатилетнему гимназисту?

Несколько дней спустя, во время того же номера Ольги, когда с лошади снимали седло и уздечку для вольного галопа, один из клоунов, кто – не помню¹, обратился к публике со следующей репризой:

– А скажите, господин капельклейстер, если бы у Олечки, когда ее папаше уже за шестьдесят лет, да вдруг родился бы братец, – что надо было бы сказать про такой факт?

И так как публика молчала, то клоун объяснил:

¹ Козлов. Отличный дрессировщик, добрый, смелый человек и хороший товарищ. На эту дурацкую выходку он, не поняв каламбура, был подстрекнут Г., тогдашним киевским львом. (Примеч. А. И. Курпина.)

– Надо было бы сказать: Сур-рогат.

Очень немногие из публики засмеялись. По-видимому, не все поняли игру слов, но мы заметили, что Ольга круто повернула лошадь к клоуну и слабо вскрикнула. Лошадь ее опять пошла свободным галопом. Нужно было брать барьеры. Держал один из барьеров несчастный клоун. Когда Ольга взяла предыдущий барьер, то вдруг сбросила наземь свою белую папаху, подняла над головой кавказскую нагайку с серебряной рукояткой и, поравнявшись с клоуном, уже на прыжке, со всего размаха ударила его по лицу. Сквозь его грим сразу стал виден сначала мгновенно белый, а потом багровый рубец.

Клоун выпустил барьер и, закрыв лицо обеими руками, мелкими шагами побежал с манежа. Но тут публика уже поняла смысл дерзкого каламбура и наградила Ольгу бешеными аплодисментами.

Не знаю, известен ли вам этот случай? Если нет, то он будет лишней черточкой в ваших воспоминаниях о цирке и о милой, маленькой Ольге, восхитительнице наших гимназических сердец.

Из нашей киевской шестерки нас в Болгарии оказалось двое: я и мой приятель – инженер. Он живет на границе Греции, я – в Софии. Встречаемся лишь раз в год.

Вспоминаем милое далекое... Непременно вспомянем Ольгу Сур в черкеске и наши апельсины».